

**Рихард фон Вайцзеккер
Президент
Федеративной Республики Германия
Речь,
произнесенная 8 мая 1985 г.
по случаю сорокалетия окончания
Второй мировой войны**

40-я годовщина окончания Второй мировой войны

8 мая 1985 года в пленарном зале Германского Бундестага по приглашению Председателя Германского Бундестага и Председателя Бундесрата состоялось собрание, посвященное 40-й годовщине окончания войны в Европе и национал-социалистской тирании.

Федеральный Президент Рихард фон Вайцзеккер выступил на собрании в пленарном зале Германского Бундестага со следующей речью:

I.

Господа Председатели,

господин Федеральный канцлер, Ваши Превосходительства, дамы и господа. дорогие соотечественники!

Многие народы вспоминают сегодня тот день, в который кончилась в Европе Вторая мировая война. Каждый народ связывает с этим разные чувства в зависимости от того, что он испытывал. Победа или поражение, освобождение от бесправия и чужеземного господства или переход к новой зависимости, раздел, возникновение новых союзов, огромные изменения в соотношении сил – дата 8 мая 1945 года имеет решающее историческое значение для Европы.

Мы, немцы, отмечаем этот день между собой. И это необходимо. Мы сами должны найти нужный подход. И нам не поможет, если мы будем щадить свои чувства или если другие их будут щадить. У нас должно быть и у нас есть достаточно сил,

чтобы, насколько это нам возможно, смотреть правде в глаза, не приукрашивая ничего и не впадая в односторонность.

8 мая для нас, прежде всего, день воспоминания о том, что людям пришлось выстрадать. Одновременно эта дата является поводом для того, чтобы задуматься над ходом нашей истории. Чем честнее мы отнесемся к этому дню, тем свободнее мы будем для того, чтобы с чувством ответственности предстать перед его последствиями.

8 мая для нас, немцев, не праздник. Люди, сознательно пережившие этот день, вспоминают о совершенно личных, а значит совершенно различных переживаниях. Одни вернулись на родину, другие были лишены родины. Одни были освобождены, другие попали в плен. Многие были просто благодарны за то, что наступил конец ночным бомбежкам и страху и что они остались в живых. Другие испытывали боль от полного поражения своего отечества. Одни немцы с горечью стояли перед разбитыми иллюзиями, другие немцы были благодарны за дарованную возможность нового начала.

Было трудно быстро и четко определить ориентиры. В стране царило чувство неуверенности. Военная капитуляция была безоговорочной. Наша судьба лежала в руках врагов. Прошрое было полно ужаса, особенно и для многих из этих врагов. Станут ли они мстить нам, да еще с лихвой, за то, что мы им причинили?

Большинство немцев было уверено, что они сражаются и страдают за правое дело Родины. Но вот вдруг оказывается, что все было не только тщетно и бессмысленно, но даже служило бесчеловечным целям преступного руководства. Большинство немцев испытывало чувство изнеможения, беспомощности, бремя новых забот. Удастся ли еще найти родственников? Имеет ли вообще смысл, среди этих развалин, думать о восстановлении?

Позади – мрачная пропасть прошлого, впереди – неопределенное, мрачное будущее.

Но, все же, с каждым днем нам становилось все яснее, и об этом мы все вместе должны сегодня заявить, что 8 мая было днем освобождения. Этот день освободил всех нас от человеконенавистнической системы национал-социалистской тирании.

Однако, несмотря на освобождение, никто не забудет, сколь тяжелые страдания только начинались с того дня или еще предстояли для многих людей после 8 мая. Но нам нельзя считать конец войны причиной, обусловившей бегство, изгнание, неволю. Причиной является скорее начало войны и начало той тирании, которая привела к войне.

Мы не должны рассматривать 8 мая 1945 года в отрыве от 30 января 1933 года.

У нас действительно нет оснований быть сегодня среди тех, кто празднует победу. Но у нас есть все основания считать 8 мая 1945 года конечным пунктом ложного пути германской истории, зародившим надежду на лучшее будущее.

II.

8 мая – день воспоминания. Вспоминать – это значит: думать о былом так честно и так чистосердечно, чтобы вобрать его в себя. Это требует от нас высокого уровня правдивости.

Сегодня мы со скорбью чтим память всех жертв войны и тирании.

Мы чтим в особенности память шести миллионов евреев, убитых в германских концентрационных лагерях.

Мы чтим память всех народов, пострадавших в войне, и, прежде всего, память неисчислимых жертв среди граждан Советского Союза и Польши.

Как немцы мы со скорбью чтим память своих соотечественников, погибших на солдатской службе, во время бомбежек на Родине, в плену, в ходе изгнания.

Мы чтим память убитых цыган, гомосексуалистов, душевнобольных, людей, которым пришлось поплатиться жизнью за свои религиозные или политические убеждения.

Мы чтим память расстрелянных заложников.

Мы чтим память жертв из рядов сопротивления во всех оккупированных нами государствах.

Как немцы мы чтим память жертв из рядов немецкого движения сопротивления – гражданского, военного, религиозно мотивированного, сопротивления в рабочих и профсоюзных кругах, сопротивления коммунистов.

Мы чтим память тех, кто, хотя и не участвовал активно в сопротивлении, но все же предпочел умереть нежели покривить совестью.

Рядом с необозримой горой погибших зияет бездна человеческого горя –

горя родственников погибших,

горя от ранений или увечий,

горя от бесчеловечной насильственной стерилизации,

горя от ночных бомбежек,

горя от побега и изгнания, изнасилования и ограбления,
принудительных работ,

бесправия и пыток, голода и нужды,

горя от страха быть арестованным или убитым,

горя от утраты всего того, во что верил заблуждаясь, во имя
чего трудился

Сегодня мы со скорбью вспоминаем это человеческое горе.

Быть может, бóльшая часть бремени, возложенного на
народы, легла на плечи женщин.

Их страдания, их самоотверженность и их душевная сила
слишком быстро забываются мировой историей. Они переживали и
работали, вынашивали и охраняли человеческую жизнь. Они
оплакивали погибших отцов и сыновей, мужей, братьев и друзей.

В самые мрачные годы они не давали угасать пламени
гуманности.

Когда война кончилась, они, не имея никакой перспективы
благополучного будущего, первыми взялись за восстановление
страны, своими руками расчищая в Берлине и других городах
улицы от развалин.

Когда оставшиеся в живых мужчины вернулись на родину,
многим женщинам снова приходилось отступать на задний план. В
результате войны многие женщины остались без мужей, и им
приходилось проводить жизнь в одиночестве.

Если народы не были внутренне сломлены разрухой,
опустошением, жестокостью и бесчеловечностью, если они после
войны постепенно снова могли встать на ноги, то, в первую
очередь, благодаря женщинам.

III.

Начало тирании характеризировалось безграничной
ненавистью Гитлера к нашим еврейским согражданам. Гитлер
никогда не скрывал ее перед общественностью, а сделал целый
народ инструментом этой ненависти. Еще за день до своей смерти
30 апреля 1945 года он написал следующие слова в конце своего
так называемого завещания:

«Прежде всего я обязываю руководство нации и подчиненных
к тщательному соблюдению расовых законов и к беспощадному
сопротивлению отравителю всех народов мира – международному
еврейству.»

Конечно, вряд ли одному государству на протяжении своей
истории удалось остаться невиновным, что касается его участия в

войнах и актах насилия. Однако геноцида, подобного совершенному против евреев, история не знала.

Участвовали в совершении преступлений немногие. Эти преступления скрывались от глаз общественности. Однако каждый немец мог быть свидетелем того, что приходилось претерпевать еврейским согражданам: от холодного равнодушия и скрытой нетерпимости до открытой ненависти.

Кто же мог ни о чем не подозревать, видя горящие синагоги, погромы, стигматизацию евреев шестиконечной звездой, лишение их прав, постоянное оскорбление человеческого достоинства?

Кто присматривался и прислушивался, кто хотел знать, тот не мог не замечать депортационных эшелонов. Быть может, людям недоставало фантазии, чтобы представить себе методы и размеры истребления. Однако на самом деле – в добавление к самим преступлениям – слишком многие старались не замечать происходящего, в их числе и люди моего поколения, которые были молодыми и не были причастными ни к планированию, ни к исполнению того, что происходило.

Существовали самые разные способы заглушать свою совесть, чувствовать себя непричастным, не замечать, молчать.

Когда по окончании войны выявилась вся не поддающаяся описанию действительность массового уничтожения, слишком многие из нас ссылались на то, что они ничего не знали или даже ни о чем не подозревали.

Такого не бывает, чтобы целый народ был виновным или невиновным. Вина, как и невиновность, носит личный, а не коллективный характер.

Бывает вскрытая и невскрытая вина человека. Бывает вина, в которой человек признается или которую он отрицает. Каждый человек, переживший то время в полном сознании, должен сегодня самого себя расспросить о своей причастности.

Подавляющее большинство нашего сегодняшнего населения было в то время либо в детском возрасте, либо вообще еще не родилось. Они не могут признавать свою вину в том, чего они вообще не совершали.

Ни один понимающий человек не будет ожидать от них, чтобы они ходили в одеянии кающихся грешников на том лишь основании, что они немцы. Но им досталось тяжелое наследие от предков.

Все мы – будь мы виновны или нет, будь мы стары или молоды – должны признать прошлое. Его последствия затрагивают и призывают к ответу нас всех.

Младшие и старшие должны и могут помогать друг другу осмыслить жизненную необходимость сохранения в живой памяти того, что было.

Дело не в преодолении прошлого. Такое вообще невозможно. Ведь былого задним числом не изменишь и не превратишь в небывшее. Но кто закрывает глаза на прошлое, тот остается слепым в настоящем. Кто не хочет вспоминать о бесчеловечности, тот подвергается опасности вновь заразиться.

Еврейский народ помнит и всегда будет помнить события прошлого. К чему мы стремимся, это – примирение между людьми.

Именно поэтому мы должны понять, что примирения вообще не бывает без воспоминания. Память о миллионах жертв вошла в плоть и кровь каждого еврея в мире, не только потому, что люди не могут забыть такого ужаса, но и потому, что воспоминание является частью иудейской веры.

«Желание забыть продлевает ссылку,
а тайна искупления кроется в воспоминании.»

Смысл этой еврейской мудрости, которая часто цитируется, заключается, пожалуй, в том, что вера в Бога – это вера в его деяния в истории.

Воспоминание – это сознание деяний Бога в истории. Оно является источником веры в искупление. Это сознание вселяет надежду. Оно вселяет веру в искупление, в воссоединение разъединенного, в примирение. Кто его забудет, тот утратит веру.

Если бы мы, в свою очередь, захотели предать былое забвению, вместо того, чтобы помнить о нем, это было бы не только бесчеловечно, но и оскорбляло бы веру оставшихся в живых евреев, а примирение было бы уничтожено в зачатке.

Для нас важно иметь в самих себе мемориал мыслей и чувств.

IV.

8 мая знаменует глубокий исторический перелом – не только в германской, но и в европейской истории.

Европейская гражданская война подошла к концу, старый европейский свет был сокрушен. «Европа навоевалась» (М. Штюрмер). Встреча американских и советских солдат на Эльбе символизировала предварительный конец одной европейской эры.

Конечно, все это имело старые, исторические корни. Европейцы имели большое, даже решающее влияние во всем мире, но все хуже справлялись с налаживанием сосуществования на собственном континенте. Более ста лет Европа страдала от столкновения чрезмерных националистических устремлений. После окончания Первой мировой войны были заключены мирные

договоры. Но они не были в состоянии создать мир. Снова вспыхнули националистические страсти, переплетаясь с социальной нуждой.

На пути к катастрофе движущей силой стал Гитлер. Он подстрекал и использовал массовую истерию. Слабые силы демократии не были в состоянии остановить его. Западные европейские державы, которые, по словам Черчилля, «ничего не подозревали, но не были без вины», своей слабостью тоже способствовали роковому развитию. Америка после Первой мировой войны ушла в изоляцию и в тридцатые годы не оказывала никакого влияния на Европу.

Гитлер хотел добиться господства над Европой, а именно путем войны. Для этого он искал повода и нашел его в Польше.

23 мая 1939 года, за несколько месяцев до начала войны, он заявил перед германскими генералами:

Дальнейшие успехи невозможны без кровопролития..... Дело не в Данциге.

Для нас речь идет о расширении жизненного пространства на востоке и об

обеспечении продовольственного снабжения....

То есть: Польше пощады быть не может: остается решение – напасть на Польшу

при первом удобном случае....

Вопросы права, несправедливости или договоров не играют при этом никакой

роли.

23 августа 1939 года был заключен германо-советский договор о ненападении. Дополнительным секретным протоколом предусматривались условия предстоящего раздела Польши.

Этот договор был заключен с тем, чтобы позволить Гитлеру вторгнуться в Польшу. Руководство Советского Союза полностью сознавало это. Каждому политически мыслящему человеку того времени было ясно, что германо-советский договор означал вторжение Гитлера в Польшу, т.е. начало Второй мировой войны.

Это не умаляет вины Германии, что касается начала Второй мировой войны. Советский Союз был согласен с войной между другими народами, чтобы получить свою долю добычи. Но инициатива к войне исходила от Германии, а не от Советского Союза.

Гитлер первым применил силу. Начало Второй мировой войны будет и впредь связано с именем Германии. В ходе этой войны

национал-социалистский режим подвергал многие народы мукам и издевательствам.

Под конец оставался лишь один народ, который можно было еще подвергнуть угнетению, мучениям и издевательствам: сам немецкий народ. Гитлер не раз говорил: «Если уж немецкий народ не в состоянии одержать победу в этой войне, тогда пусть он погибнет.» В начале другие народы становились жертвами исходившей от Германии войны, а затем мы сами стали жертвами своей собственной войны.

Впоследствии Германия была разделена на различные зоны согласно договоренности между державами-победительницами. Между тем Советский Союз ввел свои войска во все государства Восточной и Юго-Восточной Европы, которые во время войны были оккупированы Германией. Все эти государства, за исключением Греции, стали социалистическими.

Начался раскол Европы на две различные политические системы. Лишь послевоенное развитие укоренило этот раскол, но без начатой Гитлером войны его не было бы вообще. Об этом затронутые народы думают в первую очередь, когда вспоминают о войне, развязанной германским руководством.

Об этом думаем и мы, когда смотрим на раскол собственной страны и на потерю крупных частей германского государства. В своей проповеди по случаю 8 мая в Восточном Берлине кардинал Майснер сказал: «Безотрадным плодом греха всегда является разъединение.»

V.

Произвол разрушения находил продолжение в произвольном распределении тягот. Случалось, что невинные преследовались, а виновные ускользали от наказания. Одним посчастливилось, что они могли дома, в привычной обстановке, начать новую жизнь. Другие были изгнаны из исконно родных мест.

Мы, т.е. те, кто впоследствии оказался в Федеративной Республике Германия, получили драгоценный шанс свободы. Многочисленным миллионам соотечественников она до сих пор еще недоступна.

Научиться терпеть произвол при распределении различных частей – вот в чем состояла первостепенная духовная задача, наряду с задачей материального восстановления. Тут проходила испытание сила человеческая: увидеть тяжесть ноши других, постоянно помогать ее нести, никогда о ней не забывать. Тут должна была крепнуть способность к миру и готовность ко внутреннему и внешнему примирению, чего не только другие требовали от нас, но чего жаждали прежде всего мы сами.

Мы не можем отмечать 8 мая, не сознавая, каких усилий эта готовность к примирению стоила нашим бывшим врагам. Можем ли мы действительно понимать то состояние, в котором находились родственники жертв Варшавского гетто или бойни, устроенной в Лидице?

Но и жителям Роттердама или Лондона было, пожалуй, нелегко оказывать поддержку при восстановлении нашей страны, в которой были изготовлены бомбы, недавно падавшие на их города. К тому же, постепенно должна была крепнуть уверенность в том, что немцы никогда больше не попытаются силой изменить факт поражения.

Самая тяжелая участь у нас выпала на долю тех, кто был изгнан из родных краев. И еще долго после 8 мая они испытывали горькие страдания и тяжкую несправедливость. Нам, коренным жителям, часто не хватает вдумчивости, а то и чистосердечности, чтобы с пониманием относиться к их тяжелой судьбе.

Но вскоре появилась большая готовность помогать. Многие миллионы беженцев и изгнанников были интегрированы в наше общество. Со временем им удалось пустить новые корни. Их дети и внуки во многом сохраняют культуру и любовь к родине предков. И это хорошо, так как это является драгоценным сокровищем в их жизни.

Но сами они нашли новую родину, где растут, сближаясь со своими ровесниками из коренного населения, общаясь на их языке, разделяя их привычки. Их молодая жизнь является свидетельством способности к внутреннему миру. Их деды или отцы некогда были изгнаны, они же теперь на родине.

Изгнанные скоро дали пример другим, признав принцип отказа от применения силы. Это не было временным заявлением, сделанным в первоначальном состоянии бессилия, а выражало убеждение, которое продолжает сохранять свою силу. Отказ от применения силы равнозначен постепенно и везде возрастающей уверенности в том, что вновь окрепшая Германия тоже будет сохранять приверженность этому принципу.

Родина одних стала тем временем родиной для других. На многих старых кладбищах на востоке сегодня уже встречается больше польских, чем немецких могил.

За вынужденной миграцией миллионов немцев на запад следовала миграция миллионов поляков. А за ними, в свою очередь, - миллионов русских. Все они люди, которых ни о чем не спрашивали, люди с которыми несправедливо обращались, люди, которые стали беззащитными объектами политических событий и для которых невозможна компенсация пережитых ими страданий

путем зачета взаимных несправедливостей или противопоставления взаимных претензий.

Отказ от применения силы означает сегодня предоставление людям возможности – с твердой, политически гарантированной уверенностью в безопасном будущем – жить там, куда их забросила судьба после 8 мая 1945 года и где они живут вот уже несколько десятков лет. Это означает поставить дело взаимопонимания над противоборствующими юридическими претензиями.

Вот истинный, человеческий вклад, который мы можем внести в создание европейского мирного устройства.

В процессе восстановления Европы после 1945 года идея свободы и самоопределения одерживала победы и терпела поражения. Для нас теперь важно воспользоваться шансом, чтобы подвести черту под долгим периодом европейской истории, в который каждое государство считало состояние мира возможным и прочным лишь при условии своего превосходства над другими государствами и в который мир означал время подготовки к следующей войне.

Народы Европы любят свою родину. Любят ее немцы. Кто мог бы поверить в миролюбивый характер народа, который был бы в состоянии забыть свою родину?

Нет, миролюбие проявляет как раз тот, кто не забывает свою родину и кто именно поэтому полон решимости предпринять все усилия для того, чтобы жить в мире друг с другом. Любовь изгнанных к родине – не реваншизм.

VI.

Последняя война – в большей степени, чем предыдущие войны – породила в сердцах людей жажду мира. Усилия церковных организаций, направленные на примирение, нашли плодородную почву. Существует много примеров деятельности молодых людей, стремящихся к взаимопониманию. Хочу упомянуть организацию «Акцион Зюнецайхен» («Знак искупления»), ее деятельность в Освенциме и Израиле. Один из приходов нижнерейнского города Клеве получил недавно от польских приходов хлебы в знак примирения и общности. Один из хлебов этот приход переслал одному учителю в Англию. Этот учитель из Англии дал знать о себе, написав о том, что во время войны, будучи летчиком-бомбардировщиком, разрушил в Клеве церковь и жилые дома и что ему хотелось бы получить знак примирения.

Миру можно оказать бесконечную службу, если не ждать, пока к тебе придут, а самому пойти ему навстречу, как поступил этот англичанин.

VII.

Последствия войны сблизили бывших противников в человеческом и политическом отношении. Уже в 1946 году государственный секретарь США Бернс в своей знаменательной штутгартской речи призывал к взаимопониманию в Европе и к тому, чтобы помочь немецкому народу идти по пути в свободное, миролюбивое будущее.

Бесчисленное количество американских граждан своими частными средствами помогали в те времена нам, побежденным немцам, залечить раны войны.

Благодаря дальновидности таких французов, как Жан Монне и Робер Шуман, и таких немцев, как Конрад Аденауэр, было раз и навсегда покончено со старой враждой между французами и немцами.

Во всей нашей стране почувствовался новый приток энергии и воли к восстановлению. Многие старые барьеры были устранены, религиозные и социальные противоречия – смягчены. Люди брались за дело по-товарищески.

«Нулевого часа» не было, а был шанс нового начала. Мы использовали его, как могли. Вместо неволи мы установили демократическую свободу.

Через четыре года после окончания войны в 1949 году – а именно 8 мая – Парламентским Советом был принят наш Основной Закон. Независимо от партийной принадлежности, демократы, принимавшие нашу Конституцию, дали в ее Статье 1 ответ на вопросы о войне и тирании:

«Поэтому немецкий народ признает неприкосновенные и неотъемлемые права человека как основу всякого человеческого общества, мира и справедливости в мире»

Об этом значении 8 мая сегодня тоже стоит напомнить.

Федеративная Республика Германия как государство пользуется уважением во всем мире. Она относится к высокоразвитым промышленным странам мира. Ввиду своей экономической мощи, она сознает свою долю ответственности в борьбе с голодом и нуждой в мире и в деле достижения социального равновесия между народами.

Сорок лет мы живем в мире и свободе, чему мы сами также значительно способствовали, проводя свою политику в кругу свободных народов Атлантического Союза и Европейского Сообщества.

Еще никогда на немецкой земле так не защищались гражданские права и свободы, как сегодня. Широкоразветвленная социальная система, которая не побоится сравнения ни с каким другим обществом, обеспечивает жизненные основы человека.

Если после войны многие немцы еще старались спрятать свой паспорт или обменять его на какой-либо другой, то сегодня наше гражданство представляет собой уважаемое всеми право.

У нас действительно нет оснований для высокомерия или самоуверенности. Но мы можем с благодарностью вспоминать ход последних сорока лет, если мы будем использовать свою историческую память как лейтмотив для своих действий в настоящем и для решения стоящих перед нами задач.

- Если мы вспомним, что в период «третьего рейха» душевнобольных предавали смерти, тогда мы сочтем своей личной задачей заботу о гражданах, страдающих психическими заболеваниями.

- Если мы вспомним, что границы других государств часто оказывались закрытыми для лиц, которые преследовались по расовым, религиозным или политическим причинам и которым грозила смерть, тогда мы не оставим за дверью тех, кто сегодня действительно подвергается преследованию и ищет защиты у нас.

- Если мы вспомним преследование свободы мысли во время диктатуры, тогда мы встанем на защиту свободы любой мысли и любой критики, будь она даже направлена против нас самих.

- Кто хочет оценить положение на Ближнем Востоке, тот пусть вспомнит ту судьбу, которую немцы уготовили евреям, жившим рядом с ними, и которая была поводом к образованию израильского государства в условиях, еще и сегодня обременительных и опасных для жителей данного региона.

- Если мы вспомним о том, что нашим восточным соседям пришлось пережить во время войны, тогда мы лучше поймем, что сбалансирование интересов, разрядка напряженности и добрососедство с этими странами остаются узловыми задачами германской внешней политики. Важно, чтобы обе стороны помнили: важно, чтобы обе стороны уважали друг друга. На то у них есть все основания – человеческие, культурные и, в конце концов, исторические.

- Генеральный секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза Михаил Сергеевич Горбачев заявил, что для советского руководства 40-я годовщина окончания войны не является поводом для разжигания антинемецких чувств, что Советский Союз выступает за дружбу между народами.

Именно если мы спрашиваем о вкладе самого Советского Союза в достижение взаимопонимания между Востоком и Западом и об уважении прав человека во всех частях Европы, тогда нам следует прислушаться к этому сигналу из Москвы. Мы хотим дружбы с народами Советского Союза.

VIII.

40 лет прошло со дня окончания войны, а немецкий народ все еще разделен.

Во время памятного богослужения в дрезденской церкви «Кройцкирхе» в феврале нынешнего года епископ Хемпель сказал:

«Сердце тяготится и обливается кровью из-за того, что возникло два германских государства с такой сложной границей. Сердце тяготится и обливается кровью вообще из-за наличия множества границ. Тяжко становится от вооружений.»

Недавно в Соединенных Штатах Америки, в городе Балтиморе, была открыта выставка «Евреи в Германии». Послы обоих германских государств были приглашены и приехали на мероприятие. Хозяин выставки, президент университета имени Джонса и Хопкинса, приветствовал их совместно. Он указал на то, что все немцы стоят на почве одного и того же исторического развития, что они связаны нитью совместного прошлого и что такая нить может доставлять радость или проблемы, но что она, в любом случае, является источником надежды.

Мы, немцы, представляем собой единый народ, единую нацию. Мы чувствуем себя частью единого целого потому, что пережили одну и ту же историю.

И 8 мая 1945 года пережили как дату общей судьбы нашего народа. Это нас объединяет. Мы чувствуем, что нас объединяет совместная воля к миру. С немецкой земли обоих государств должны исходить мир и добрососедство со всеми странами. Но и никто другой не должен превращать немецкую землю в угрозу миру.

Люди в Германии совместно стремятся к миру, который включал бы справедливость и права человека для всех народов, в том числе и для нашего.

Примирение, преодолевающее границы, невозможно, если в Европе возводятся стены, а возможно лишь в том случае, если границы на этом континенте утратят свой разобщающий характер. Именно об этом нам напоминает окончание Второй мировой войны.

Мы уверены, что 8 мая будет не последней датой нашей истории, знаменательной для всех немцев.

IX.

Некоторые молодые люди в последние месяцы спрашивали себя и нас, почему сороковая годовщина окончания войны послужила поводом для столь оживленных дискуссий о прошлом. Почему дискуссия более оживленная, чем по поводу 25-й или 30-й годовщины? В чем внутренняя необходимость этого?

На такие вопросы нелегко ответить. Но нам нельзя объяснять это в первую очередь влиянием извне, хотя оно, бесспорно, тоже имело место.

В жизни человека и судьбе народа сорокалетний период играет большую роль.

В этой связи позвольте мне еще раз обратиться к Ветхому Завету, в котором хранятся мудрые для любого человека мысли, независимо от его вероисповедования. Сорокалетние периоды там часто встречаются, играют значительную роль.

40 лет Израиль должен был оставаться в пустыне, прежде чем с приходом на обетованную землю начался новый исторический период.

40 лет понадобилось для полной смены поколения отцов, несшего ответственность в то время.

А в другом месте (Книга Судей) упоминается, как часто оказанная помощь и спасение бывают забыты уже через сорок лет. Конец воспоминания означал конец покоя.

Таким образом 40 лет всегда представляют собой важную веху. В сознании человека они воспринимаются как окончание мрачного периода времени с перспективой на новое, доброе будущее или как опасность забвения с предупреждениями о последствиях. О том и другом стоит задуматься.

У нас новое поколение взяло на себя политическую ответственность. Молодое поколение не отвечает за события прошлого. Но оно отвечает за то, какой урок будет извлечен из него историей.

Мы, старшие, не обязаны осуществлять мечты молодежи, а обязаны быть правдивыми. Мы должны помочь молодому поколению понять жизненную необходимость сохранения воспоминаний. Мы хотим им помочь трезво и объективно относиться к исторической правде, не ища спасения в утопических идеях, но и не впадая в нравственное высокомерие.

Из собственной истории мы знаем, на что человек способен. Поэтому нам нельзя мнить о себе, что мы теперь стали другими, лучшими людьми.

Нет такого человека и нет такой страны, которые обладали бы окончательно достигнутым моральным совершенством! Мы извлекли урок как люди, мы как люди остаемся в опасности. Но у нас есть силы снова и снова преодолевать опасности.

Гитлер постоянно прибегал к разжиганию предрассудков, вражды и ненависти.

Просьба к молодежи такова:

Не позволяйте заражать себя враждой и ненавистью
к другим людям,
к русским и американцам,
к евреям или туркам,
к альтернативным или консервативным силам,
к черным или белым.

Учитесь жить друг с другом, а не друг против друга.

Давайте и мы, демократическим путем избранные политики,
будем постоянно сознавать и доказывать это на деле.

Будем уважать свободу.

Будем трудиться за мир.

Будем соблюдать право.

Будем служить своим внутренним масштабам справедливости.

Будем сегодня, 8 мая, неотступно смотреть правде в глаза.